
РЕЦЕНЗИИ

И. А. ГОБОЗОВ

ОЧЕНЬ СВОЕВРЕМЕННАЯ КНИГА

Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна: Пер. с англ. А. Костиковой и Д. Кралечкина. М., 2002

Журнал «Философия и общество» не оставляет без внимания нынче модное философское течение постмодернизма. Были опубликованы статьи известных российских философов И. А. Гобозова и В. Н. Кузнецова¹, в которых дана критическая оценка постмодернистских воззрений, имеющих эклектический и иррациональный характер. Постмодернисты претендуют на интерпретацию не только гуманитарных, но и естественных наук. Причем их интерпретации порою выглядят наивными и абсурдными.

В России немало сторонников постмодернизма, особенно среди молодежи. Молодые люди по природе своей ищут нечто новое, что, несомненно, заслуживает похвалы. Но при этом не следует забывать, что не всякое новое философское течение есть шаг вперед в развитии философии. Тем не менее многие молодые деятели интеллектуального труда постмодернизм представляют как последнее достижение духовного производства общества. Они жонглируют постмодернистскими фразами, но не задумываются над их смыслом и содержанием. Главное для них – дискурс и еще

¹ См.: Гобозов И. А. Кризис современной эпохи и философия постмодернизма // Философия и общество. 2000. № 2; Кузнецов В. Н. Историко-философский балаган «постмодернизма» // Философия и общество («Театр масок» Жюль Делеза). 2000, № 4.

раз дискурса. Их не волнует то, что этот дискурс ничего общего не имеет с реалиями жизни.

Многие представители старшего поколения подыгрывают молодым философам, потому что у них никогда не было своих философских убеждений, и хотят шагать вместе с молодежью. Есть и такие философы из старшего поколения, которые понимают абсурдность постмодернистских философских рассуждений, но боятся говорить об этом вслух. Они имплицитно полагают, что если начнут открыто критиковать постмодернизм, то будут обвинены в ретроградстве. Но настоящий ученый не боится быть обвиненным в ретроградстве или еще в чем-то. Девиз подлинного ученого – перефразированные Марксом слова Данте: следуй своей дорогой, и пусть люди говорят что угодно.

Рецензируемая книга написана физиками. Они поставили перед собой две задачи: 1. Подвергнуть критике постмодернистов (Лакана, Бодрийара, Кристеву, Иригарэя, Делеза и других) за их безграмотное использование научных идей, за их злоупотребления научными данными для подтверждения своих философских тезисов. 2. Подвергнуть также критике постмодернистский абсолютный эпистемологический релятивизм, согласно которому нет никакой разницы между мифом и наукой, между научными данными и вымыслом. К чести авторов книги, они успешно выполнили обе задачи.

Под злоупотреблениями А. Сокал и Ж. Брикмон понимают следующее:

«1. Свободно рассуждать о точных теориях, о которых имеются, в лучшем случае, лишь смутные впечатления. Чаще всего авторы лишь используют научные (или кажущиеся научными) термины, не задумываясь о том, что они означают.

2. Переносить понятия точных наук в гуманитарные науки без какого бы то ни было эмпирического или концептуального обоснования. Ведь биологу, который захотел бы использовать элементарные понятия топологии (вроде тора), теории множеств или дифференциальной геометрии,

пришлось бы объясняться. Его коллеги просто не поняли бы его рассуждений по аналогии. Здесь же, наоборот, выясняется, что, с точки зрения Лакана, структура невротика и есть тор (то есть это сама реальность! Ср. главу 1), с точки зрения Кристевой, поэтический язык есть сила континуума (глава 2), а с точки зрения Бодрийара, современные войны разворачиваются в неевклидовом пространстве (глава 7).

3. Кичиться ложной эрудированностью, обрушивая на головы читателей ученые слова в таком контексте, в котором они не имеют вообще никакого смысла. С одной целью, несомненно, – поразить и, главное, смутить неподготовленного читателя. Даже комментаторы попадают на эту удочку: Лехте хвалит точность Юлии Кристевой, а *Монд* восхищается эрудицией Поля Вирило.

4. Жонглировать фразами, лишенными смысла, и играть словами. Речь идет о самом настоящем отравлении словами и удивительном безразличии к их значениям»².

Абсолютно верные слова. Постмодернисты, действительно, любят жонглировать фразами, лишенными смысла, и заниматься словесными упражнениями. Вся работа Делеза «Различие и повторение» состоит из фраз, лишенных смысла. Наугад открываю страницу 30 и читаю: «Дискретное, отчужденное, вытесненное – три случая естественной блокировки, соответствующие номинальным концептам, понятиям природы и свободы. Но во всех случаях, чтобы объяснить повторение, обращаются к форме тождественности понятия, форме одинакового в представлении»³.

И эту тарабарщину объявляют новым словом в философии!

Прежде чем продолжить анализ рецензируемой книги, следует сказать несколько слов о том, откуда взялся постмодернизм. В этой связи необходимо вспомнить мощ-

² Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна: Пер. с англ. А. Костиковой и Д. Кралечкина. М.: Дом интеллектуальной элиты, 2002. С. 19.

³ Делез Ж. Различие и повторение: Пер. с фр. М., 1998. С. 30.

ные волнения во Франции в 1968 году, начало которым положили студенты и которые охватили более десяти миллионов человек. Радикально настроенные студенты, среди которых было и немало будущих постмодернистов, требовали немедленного свержения власти буржуазии и установления революционных порядков. Однако они потерпели поражение, после чего страшно разочаровались в революции и революционных теориях. Произошел раскол среди студенчества и революционной интеллигенции. В результате этого раскола возникли три духовных течения: «новая философия», философия «новых правых» и «философия постмодернистов». «Новые философы» (А. Глюксман, Ж. М. Бенуа, Ж. П. Долле, М. Герен, Б. А. Леви и другие) подвергали критике классическую философию, прежде всего марксистскую философию. Они политизировали философию, придав ей исключительно политическую окраску. Они выступили с позиции иррационализма и пессимизма⁴.

Что касается «новых правых» (А. де Бенуа, Ш. Бресоль, А. Гобар, П. Виаль и другие), то они стали выдвигать националистические и расистские идеи. Они объявили себя неоконсерваторами и релятивистами⁵.

Нельзя не отметить, что в отличие от «новых философов» и «новых правых» постмодернисты вначале не пользовались широкой популярностью. Пик их популярности приходится на середину восьмидесятых годов двадцатого столетия.

Но вернемся к рецензируемой книге А. Сокала и Ж. Брикмона. Авторы скрупулезно разбирают многочисленные высказывания постмодернистов, в которых они некомпетентно используют научные данные. В интеллектуальных уловках А. Сокал и Ж. Брикмон обвиняют Лакана, Кристеву, Иригарей, Лятура, Бодрийара, Делеза, Гваттари и

⁴ Более подробно см.: Гобозов И. А. Критический анализ взглядов так называемых новых философов // *Философские науки*. 1979. № 2. Его же: История философии в интерпретации «новых философов» // *Философские науки*. 1981. № 6.

⁵ Более подробно см.: Гобозов И. А. Философия истории «новых правых» // *Философские науки*, 1987, № 4.

других постмодернистов. На мой взгляд, их аргументы против постмодернистских ухищрений очень убедительны и фундированы. Нет необходимости излагать все доводы авторов рецензируемой книги. Приведу только несколько примеров. Постмодернисты утверждают, что научные открытия коренным образом изменили представления людей о мире, а также философию и эпистемологию. Для доказательства этого тезиса они, как пишут Сокал и Брикмон, ссылаются на квантовую механику и теорию хаоса. Из теории хаоса они делают философские выводы об индетерминизме мира, о том, что прежние философские концепции придерживались линейного мышления и исключали роль случайности в окружающей природной и социальной действительности. Авторы подчеркивают, что Лиотар, Бодрийар и другие постмодернисты путают разные значения слова «линейный». Они применяют естественнонаучные понятия к анализу общества. В их работах «часто можно наблюдать совершенно фантастические попытки так называемого «применения» хаоса, например к анализу прибыли предприятия или к литературе. Иногда вместо хорошо разработанной математически теории хаоса имеют в виду только разрабатываемые теории сложности и самоорганизации, что еще больше запутывает ситуацию»⁶. Сказанное касается и российских постмодернистов, жонглирующих словами «нелинейность», «случайность», «хаотичность» и т. д. и т. п. Теория хаоса, подчеркивают авторы, абсолютно не разрушает причинно-следственные связи и отношения.

Разбирая работы «классиков» постмодернизма Делеза и Гваттари, Сокал и Брикмон обращают внимание на ту же путаницу и сумбурность изложения материала, которая доминирует в трудах других постмодернистов. «Очевидно, можно было бы предположить, что это свидетельствует об их глубине и что мы просто не понимаем их. Но при ближайшем рассмотрении мы обнаруживаем большую плотность научных терминов, использованных вне контекста и

⁶ См.: Гобозов И. А. Философия истории «новых правых» // Философские науки. 1987. № 4. С. 122–123.

без видимой логики, по крайней мере тогда, когда этим терминам приписывается их обычное научное значение»⁷.

Авторы специально останавливаются на работе Делеза и Гваттари «Что такое философия», вышедшей в 1991 году и завоевавшей во Франции огромную популярность. Делез и Гваттари задаются целью провести демаркационную линию между философией и наукой. Они считают, что философия занимается понятиями, а наука – функциями. Далее Сокал и Брикмон приводят цитаты из этого «шедевра» Делеза и Гваттари, свидетельствующие о бессмысленности фраз и слов знаменитых постмодернистов. Чтобы читатель сам в этом убедился, я приведу лишь одну, правда, длинную цитату из этой книги: «Первое отличие состоит в соответствующих установках философии и науки по отношению к хаосу. Определение хаоса сводится не столько к беспорядку, сколько к бесконечной скорости, с которой исчезает всякая наметившаяся там форма. Это пустота, но не ничто, а *виртуальность*, содержащая в себе все возможные частицы и рассеивающая все возможные формы, которые возникают с тем, чтобы тотчас исчезнуть, без консистенции и обоснования, без последствий. Это бесконечная скорость рождения исчезновения. Таким образом, философия задается вопросом о том, как сохранить бесконечные скорости и в то же время добиться консистенции (устойчивости) и передать *чистое знание виртуальному*. Философия как через сито, подобно плану (поверхности) имманентности, пересекающей хаос, отбирает бесконечные движения мысли и окружает себя концептами (понятиями), сформированными как консистентные (устойчивые) частицы, движущимися так же быстро, как мысль. Наука подходит к хаосу совершенно иначе, если не сказать, противоположным образом: она отказывается от бесконечного, от бесконечной скорости для того, чтобы получить *референцию (основания)*, способную актуализировать виртуальное. Сохраняя бесконечное, философия с помощью понятий придает вир-

⁷ См.: Гобозов И. А. Философия истории «новых правых» // Философские науки. 1987. № 4. С. 130.

туальному консистенцию; отказываясь от бесконечного, наука с помощью функций дает виртуальному референцию, которая его актуализирует. Философия действует, исходя из плана имманентности или консистенции; наука – из плана референции. С наукой это похоже на остановку кадра. Это фантастическое *замедление*, с помощью которого актуализируется материя, а также и научная мысль, способная с помощью суждений проникнуть в материю. Функция – это замедление. Разумеется, наука не перестает заниматься ускорениями, не только в катализах, но и в ускорителях частиц, в расширении Вселенной с разбегающимися галактиками. Первоначальное замедление для этих феноменов – не мгновение – нуль, от которого они отрываются, а, скорее, условие, целиком совпадающее с развитием. Замедление означает задать предел для всех скоростей внутри хаоса таким образом, что они составляют переменную, определяемую как абсцисса, в то время как предел составляет универсальную постоянную, которую нельзя исключить (например, предел упругости). Первые функции, следовательно, являются пределом и переменной, и референция – это отношение между значениями и переменной, или, глубже, отношение переменной, как абсциссы скоростей, с пределом»⁸. Вывод Сокала и Брикмона: «В этом отрывке можно найти по крайней мере двенадцать научных терминов, использованных без видимой логики, а рассуждения представляют собой то бессмыслицу («функция – это Замедление»), то банальность («наука не перестает заниматься ускорениями»)»⁹.

Думаю, что хватит приводить примеры. Такой же аргументированной критике Сокал и Брикмон подвергают другие «открытия» постмодернистов-шарлатанов.

В «Эпилоге» Сокал и Брикмон делают такие довольно интересные выводы. **Первое.** Постмодернизм охватил целый мир – от искусства, гуманитарных дисциплин до есте-

⁸ См.: Гобозов И. А. Философия истории «новых правых» // Философские науки. 1987. № 4. С. 131–133.

⁹ Там же. С. 133.

ствознания. Он вытеснил рационалистическое мышление и все превратил в пустой дискурс, треп. **Второе.** Постмодернисты излагают свои мысли сумбурно и непонятно, а между тем все, что непонятно, не всегда глубоко. Добавлю от себя, что не только краткость сестра таланта, но ясность тоже сестра таланта. Кроме того, не следует забывать, что ясно изложенные мысли способствуют росту знаний, тогда как туманно сформулированные мысли могут бесконечно воспроизводиться и никакому росту знаний не способствуют. **Третье.** Постмодернисты отвергают логику и эмпирический мир. «...Если есть желание заниматься наукой, будь то физика или социальная наука, следует оставить радикальные сомнения в отношении логики или возможности познать мир посредством опыта»¹⁰. Постмодернисты отвергают логику и реалии жизни. Они руководствуются иррационализмом, ничего общего не имеющим с научными методами исследования объективного мира. Их туманные интерпретации науки привлекают неискушенных читателей и слушателей, особенно молодежь, которая, как правило, гонится за самым крайним. **Четвертое.** Абсолютный релятивизм, который проповедуют постмодернисты, опасен не только для точных, но и для гуманитарных наук. Если все относительно, то не имеет смысла заниматься научными исследованиями. Если мифы и научные факты одинаково значимы для науки, то не следует тратить зря деньги на научную работу. **Пятое.** Политический аспект постмодернизма. «Истоки постмодернизма, – подчеркивают Сокал и Брикмон, – не являются чисто интеллектуальными. Философский релятивизм, а также работа некоторых проанализированных здесь авторов были своеобразным образом втянуты внутрь тех политических тенденций, которые можно определить в широком смысле как левые или прогрессистские»¹¹. Удивительно, продолжают, авторы, что

¹⁰ См.: Гобозов И. А. Философия истории «новых правых» // Философские науки. 1987. № 4. С. 156.

¹¹ Там же. С. 162.

многих левых захватила, особенно в США, антирационалистическая мысль. Они это объясняют тем, что в шестидесятые годы возникли антирасистские, феминистские, гомосексуальные и другие социальные движения, которые традиционные левые игнорируют. Многие из этих движений пришли к выводу, что постмодернистская философия полностью отвечает их чаяниям. «Одна из привлекательных черт постмодернизма – кажется, что он подводит философскую базу под политику различия и тем самым обосновывает уважение к другим культурам и образам жизни»¹². С точки зрения постмодернистов, все духовные ценности относительно и равноценны. Скажем, картины Ван Гога ничуть не лучше картин уличного живописца, или стихи гениального Пушкина ничуть не лучше стихов посредственного поэта, или классические оперы ничуть не лучше уличных песен. Эти псевдомысли привлекают многие слои общества и, прежде всего, маргинальные группы, которые потеряли веру в идеалы равенства и справедливости. Они находят в постмодернизме благодатную почву, потому что он отвлекает от реальных проблем и главное внимание уделяет не рациональному объяснению существующих трудностей общественной жизни, а упражнению ума и анализу различных текстов. «Левые» постмодернисты, отказавшись от классического философского наследия и проповедующих иррационализм и релятивизм, фактически разоружают те социальные движения, которые к ним тянутся. **Шестое.** Сокал и Брикмон спрашивают: почему нужно разоблачать интеллектуальные уловки постмодернистов? Представляют ли они опасность для точных наук? Отвечая на эти вопросы, Сокал и Брикмон пишут, что для точных наук постмодернизм не представляет никакой опасности. И это действительно так, ибо там, где требуются точные знания, нет места трепу. Но «от разлагающего влияния модной сегодня бессмыслицы страдают прежде всего

¹² См.: Гобозов И. А. Философия истории «новых правых» // Философские науки. 1987. № 4. С. 163.

гуманитарные науки, когда языковые игры изгоняют критический и строгий анализ социальной реальности»¹³. Очень верные слова. Вместо серьезного анализа социальных, экономических, политических, культурологических, исторических и иных проблем сегодня гуманитарные науки завязли в пустых дискурсах и спекулятивных рассуждениях. Историческая наука, в которой факты истории отвергаются и миф и научные данные объявляются синонимами, никому не нужна. Авторы правильно пишут, что негативное влияние постмодернизма проявляется, во-первых, в том, что гуманитарные науки теряют время. Они просто-напросто не развиваются, потому что в них нет роста знаний; во-вторых, в том, что на наших глазах происходит культурологическая путаница, которая ведет к мракобесию, и, в-третьих, в том, что ослабляется политика левых сил.

Особую озабоченность у Сокала и Брикмона вызывают образование и культура: «Более серьезным, по нашему мнению, является пагубное воздействие отказа от ясного мышления на образование и культуру. Студенты учатся повторять и выстраивать рассуждения, в которых они мало что понимают... В конечном счете, обдуманно невразумительные рассуждения и сопутствующая им интеллектуальная бесчестность отравляют часть интеллектуальной жизни и усиливают и без того распространенный среди населения примитивный антиинтеллектуализм»¹⁴.

Трудно не согласиться с этим утверждением. Характерная черта современной эпохи – деинтеллектуализация общества. Казалось бы, выходят миллионы газет, журналов, книг и других видов духовных ценностей, но люди читают все меньше и меньше, а если и читают, то предпочитают серьезной литературе бульварную. Ясно, что от чтения бульварной литературы не повышается интеллектуальный уровень людей. Постмодернисты способствуют деинтеллектуализации общества.

¹³ См.: Гобозов И. А. *Философия истории «новых правых»* // *Философские науки*. 1987. № 4. С. 168.

¹⁴ Там же. С. 168, 169.

Нельзя не согласиться и с таким утверждением Сокала и Брикмона: «В тот час, когда суеверие, мракобесие и националистический и религиозный фанатизм чувствуют себя замечательно, по крайней мере, безответственно обращаться с легкостью с тем, что исторически было единственным заслоном перед этим безумием, а именно рациональное мировоззрение. Содействие мракобесию наверняка не является задачей постмодернистских авторов, но оно является неизбежным следствием их деятельности»¹⁵. Сегодня в нашем мире неспокойно. Терроризм, национализм и религиозный фанатизм стали доминирующим фактором в общественной жизни. В этих условиях очень опасно еще выступать против рационализма, против разума, стремящегося к цивилизованному разрешению всех социальных противоречий.

Сокал и Брикмон как истинные ученые обратили внимание и на политические последствия постмодернизма. «Наконец, для нас и для всех политически левых постмодернизм имеет свои негативные последствия. Во-первых, сосредоточение на языке и элитарность, связанная с употреблением претенциозного жаргона, способствуют тому, чтобы загнать интеллектуалов в рамки стерильных споров и изолировать их от общественных движений, которые происходят за стенами их башни из слоновой кости... Во-вторых, стойкое существование путаных идей и невразумительных рассуждений среди определенной части левых может дискредитировать все левое движение...»¹⁶. Если все дискурсы, продолжают авторы рецензируемой книги, являются объективными и равноценными, если исключается всякая критика тех или иных социально-экономических теорий, то следует признать правомерность и, скажем, расистских теорий. Совершенно ясно, что такой релятивизм не способствует успеху левых сил.

¹⁵ См.: Гобозов И. А. Философия истории «новых правых» // Философские науки. 1987. № 4. С. 169.

¹⁶ Там же. С. 170.

Сокал и Брикмон надеются на то, что появится такая интеллектуальная культура, которая будет рационалистической и научно обоснованной. Я тоже надеюсь на это. Но само по себе ничего не приходит. Поэтому надо разоблачать постмодернистские уловки, показать, как это делают Сокал и Брикмон, что постмодернизм тянет философию назад, что в современную сложную и противоречивую эпоху не иррационализм, а рационализм может способствовать прогрессу общества и научных знаний.